

Счастье — это четыре стены, скрипка и партитура

Почему Владимир Спиваков называет свою жену «армянским землетрясением»

Александр Щуплов

Бытует мнение, что с творческим человеком ужиться невозможно. Однако союз Владимира и Сати Спиваковых разрушает такое представление. Объяснению этого Сати посвятила свою книгу «Не всё».

— Сати, вышедшая книга — о муже или о ваших друзьях и знакомых?

— Это так и не так. Конечно, эта книга о других, и, конечно, эта книга — о муже. Потому что не было бы у меня такого мужа, не было бы и всех тех других, о ком я писала. С другой стороны, Владимиру Спивакову еще рано писать мемуары. Он находится в постоянном развитии, постоянном движении и постижении. Усаживаться и писать воспоминания, все время оглядываясь назад, я надеюсь, ему еще рано. Надиктовывать свои мемуары он не хочет принципиально. Я захотела написать о нем и поме-

нить стереотипы, которые сложились. Но писать только о нем — это неинтересно и не очень красиво. Я показала Володю через взаимоотношения с другими, мне хотелось, чтобы его портрет проступал как в акrostихе. — **В песне Окуджавы "на фоне Пушкина снимается семейство...", а у вас, стало быть, на фоне Спивакова снимается вся наша музыкальная тусовка?**

— Нет, нельзя так сказать, потому что это не наша музыкальная тусовка и не музыкальная тусовка вообще. Я рассказываю не о тех, с кем довольно долго общалась, но писать о них почему-то не хочется, а о тех, с кем общалась всего лишь несколько часов (как, например, с Булатом Окуджавой), но о ком ужасно хотелось написать.

— Можно дружить в искусстве?

— Смотря что подразумевать под словом «дружба». Если дружба — это тусовка, то нельзя. Это непонятно мне, это непо-

нятно Володе. Потому что тусовка — это определенная форма времяпрепровождения и определенный социальный статус. Она есть везде. Да и у нас она всегда была в разных формах. Иногда она приятна, полезна... В искусстве личные амбиции закрывают то главное, что есть в дружбе. А в дружбе главное — болеть за другого, поддерживать другого и радоваться.

— А как совмещается это с творческим соперничеством?

— Для меня самое главное, это когда талантливые музыканты выходят на сцену и говорят на одном языке. Даже если один говорит по-русски, другой по-английски, один играет на скрипке, другой на виолончели, но они друг друга понимают. Они говорят на одном языке — без переводчика. Симфонию не может сыграть один человек, надо 130 музыкантов, объединенных одной идеей. Квартет тоже не может сыграть один — его играют четверо. Вот эту



Счастливая пара.

Фото ИТАР-ТАСС

форму взаимодействия, когда музыканты понимают друг друга и когда они подают друг другу пассы, может быть, и можно назвать дружбой. А вообще-то настоящий артист так занят, что у него времени не хватает на то, что называется тусовкой. Я больше люблю формулу Светлова: "Дружба — это понятие круглосуточное". Можно не общаться годами, а потом вдруг позвонить ночью, когда беда, или когда радость, или когда просто хочется услышать голос.

— У Владимира Спивакова есть такие друзья, которым можно позвонить ночью?

— Есть, конечно, хотя они и не из области музыки. Он человек действительно одинокий.

— Что у вас общего и что разделяет?

— Дети у нас общие. Трое. Когда с человеком вместе долго живешь, то неминуемы какие-то размолвки, удары судьбы, которые переносятся вместе. Иногда бывает забавно, странно и страшно: я произношу фразу, а

он мне говорит: "Я сам собирался это сказать". Или он начинает фразу, а я знаю, чем она заканчивается. Или он еще ничего не сказал, а я знаю, что он хочет сказать. Общего у нас очень много — всё общее! А в характерах — всё разное. Я — более взрывная, более неуправляемая, он всегда меня называл "армянским землетрясением". Он — человек очень уравновешенный. Конечно, тоже темпераментный, но этот темперамент у него хранится где-то в глубине. Я старалась у Володи этому научиться, потому что понимала, что мои бурные реакции на событие или обиду могут быть неприятны. Меня иногда могло понести — он всегда оставался в рамках достоинства.

— В русском «Домострое» говорится: «Жена да убойся мужа своего...»

— У нас — армянский домострой. Когда в семье есть страх, то любви нет. Чего бояться? Мне очень сложно в жизни оттого, что я никогда не умела врать. Даже если ложь была во спасе-

ние. В этом смысле я очень часто себе врежу, потому что выбалтываю всем всю правду. Ложь — это отвратительно, но, наверное, надо уметь что-то не сказать — не в общении с мужем, а в общении с людьми. Зачем ранить окружающих, создавать конфликтные ситуации? Вот я и учусь. Помню, когда-то Петр Наумович Фоменко, преподававший у нас на курсе в ГИТИСе, сказал: незнающий говорит, а знающий молчит.

— Кто у вас в доме хозяин?

— Владыка у нас, конечно, Владимир Теодорович, а хозяйка (в смысле завхоз) — я. Я знаю, что есть мужчины, которые прекрасно готовят. Володя не умеет готовить, но зато он умеет ходить на рынок. Он очень любит делать закупки в магазинах и на рынках — со мной или один. Мы живем сейчас между Москвой и Парижем. В Париже как раз рядом с нашим домом рынок. Он часто рано просыпается и, пока все спят, едет закупать.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

СЛОВА И ДЕЛА



Музыкант Спиваков, балерина Плисецкая, композитор Щедрин, телеведущая Спивакова.



Светское общество. Слева направо – президент Фонда принца Астурийского Пласидо Аранго, Сати и Владимир Спиваковы, наследник испанской короны принц Филипп.

Счастье – это четыре стены, скрипка и партитура

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13
– Торгуется?

– Нет. Покупает "с походом".

– Узнают его продавцы?

– Узнают. В Москве, конечно, узнают чаще.

– Какая у вас самая сильная черта и какая самая слабая?

– Моя сила в том, что я по характеру очень выносливый человек. Ведь мы все не подолеем, что мы способны перенести в жизни. Как-то в свое время мне сказала Анастасия

мой, непонятно, как человек с его багажом, с его опытом может быть настолько уязвимым.

– Со стороны Владимир Спиваков кажется на все сто самодостаточным и уверенным в себе человеком. Как кошка Кипплинга, гуляет сам по себе...

– Может, он и гуляет сам по себе. Может, он и самодостаточен. Но, с другой стороны, если у него есть четыре стены, скрипка и партитура, то ему

улыбкой. У королевы и глаза серые, и вся она – мягко-пеленная. Подошла с Николаем Губенко, тогдашним министром культуры, к Володе и говорит: "Мы знакомы. Я бывала на ваших концертах. Когда вы собираетесь в Испанию?" К моменту, когда королева Испании приехала в Москву и я впервые ее увидела, Володя уже был знаком с ней. Он дружил с родной сестрой королевы – принцессой Пилар и ее мужем, гер-

Владыка у нас, конечно, Владимир Теодорович, а хояйка (в смысле – завхоз) – я

Цветева: Бог посылает каждому ровно столько, сколько он может вынести. Моя сила в том, что в тяжелые минуты для моих близких я собираюсь – и на меня можно опереться. Моя слабость в том, что я человек очень мнительный. Я обижаясь, хотя делаю вид, что не обиделась. Попадаю в какие-то глупые ситуации, хотя могла бы в них и не попасть – обижаясь и снова в них попадаю. Наверное, я излишне сентиментальна или чувствительна (если это слабость). Очень хотела бы быть менее доступной для вредных эмоций.

– В чем сила и слабость Владимира Спивакова?

– Его сила в его таланте, в его умении подчинить этому таланту всю свою жизнь. Я до сих пор не перестаю удивляться его дисциплине и его рабской преданности своему делу. Его слабость тоже в его таланте. Талант – он тоже очень уязвим. Мне, достаточно уязви-

больше ничего и не надо. Но мы же живем не на необитаемом острове. Когда он соприкасается с окружающим миром, он действительно очень уязвим.

– Вам приходилось общаться с особами королевской крови, аристократами и сильными мира сего – особенно с испанским высшим светом...

– Впервые я увидела королеву Испании Софию, когда она приезжала в Москву с частным визитом в связи с возвращением Мстислава Ростроповича. В честь королевы и Ростроповича был устроен обед в Морозовском особняке, доме прие-

мем МИДа. Шел снег, а мы все вырядились, и перебежать на тонких каблучках в парадный подъезд было непросто. В нашем понятии, особенно тогда, королева должна была быть чуть ли не в короне. А она, чуть опоздав, вбежала в элегантном сером костюмчике, простая, со своей невероятно обаятельной

погом Луисом Бадахосом, которые часто бывали на концертах "Виртуозов Москвы" еще задолго до отъезда оркестра в Испанию. Володя как-то повез меня в Марбею, сказав, что туда же прилетит принц Бадахос, с которым он должен встретиться и обсудить кое-какие планы. Мы провели ночь в Мадриде. Я предвкушала будущую встречу, так как слово "принц" действовало на меня магически. Когда Володя познакомил меня с ним, я увидела необыкновенно элегантного художника, высокого человека с аристократическим лицом, мягкими карими глазами и обаятельной улыбкой. Два дня, что мы провели в Марбее, они с Луисом обсуждали возможность переезда "Виртуозов Москвы" целым коллективом в Испанию. В Марбее мы жили в доме его друзей, где он тоже останавливался – своего дома в Марбее у Луиса не было. Любопытно: когда мы говорим



Владыка и хояйка.

"королевская семья", нам кажется, что это люди по определению очень богатые, как в Великобритании, например. В Испании не так, они отнюдь не богаты. Вообще испанская монархия стоит особняком. Я не представляю, в какой еще стране королевская семья вызывает такое почтение и такую всеобщую любовь. Испанцы действительно чувствуют себя детьми правящего короля. Вся семья достойная, здоровая, многие члены королевской семьи работают, живут очень скромно, и это тоже приближает их к своему народу... Во время нашего пребывания в Марбее прилетела Елена Образцова, очень дружившая с Луисом и его друзьями. Вечером Лена стала петь, и какая-то испанская девушка, претендовавшая на то, что умеет играть на фортепиано, открыла ноты романса "Ямщик, не гони лошадей..." и не смогла с листа прочитать. Я предложила попробовать (тогда я еще не очень отдалась от своих занятий в музыкальной школе, тем более что всю жизнь любила аккомпанировать). Но, сев за рояль, осознала, для кого придется играть: рядом сидит мой муж и герцог Бадахос, поэт Образцова. Вышла я из этого эксперимента почти с честью – Елена

Васильевна умудрилась дотепе про ямщика до конца. Володя же сидел с той стороны рояля, где хорошо видны колени пианиста. С тех пор он иногда вспоминает: "Моя бедная девочка, не могу забыть, как тряслись твои коленки". На педаль я попадала с трудом – не могла остановить дрожь... Когда мы вернулись из Марбеи, где провели два счастливых дня, в Мадрид, было десять часов вечера. В Москве в магазинах тогда не было ничего, у Володи, как у всех москвичей, имелась карточка, по которой можно было купить сахар, а на обороте написано: "Женат, двое детей". Мы привыкли привозить детям подарки. Референт принца провожал нас в гостиницу и по дороге обещал завести в один из круглосуточных магазинов сети VIPs. Я была совершенно потрясена этим огромным магазином, где было все. Я набрала гору всего, а референт принца, потрясенный, не понимал: "Вы же выдающийся мастер, герцог Бадахос сказал, что вы один из первых скрипачей мира. У вас в стране что, нет сыра и памперсов?" Не случайно рассказываю об этом так подробно. Впоследствии магазин VIPs имел в нашей жизни некоторое значение. Точнее, его владелец, Луис



Вся семья в сборе.

Бадахос вскоре нашел, куда пристроить оркестр. Его племянник, сын короля Испании, принц Астурийский возглавляет фонд, один из самых значительных в Испании. Ежегодно Фонд принца Астурийского присуждает премии в области искусства, литературы, спорта, науки, равноценные по престижу Нобелевской премии. Поскольку при фонде существует хор, родилась идея – иметь кроме хора еще и оркестр, но, чтобы привезти его, надо было найти деньги. Во второй раз мы приехали в Марбею уже на переговоры с президентом фонда Пласидо Аранго – одним из самых крупных бизнесменов Испании. Только он и мой муж решили эту задачу. С тех пор мы дружим с этим человеком, он стал крестным отцом нашей младшей дочки Ани и ближайшим моим другом. Он-то и оказался владельцем и основателем всех этих магазинов VIPs. Пласидо часто шутит с Аней: "Когда приедешь в Мадрид, иди в VIPs, скажи, что ты моя крестница, и получишь бесплатно всех кукол Барби".

Первый и последний фестиваль в Марбее все-таки состоялся в 1990 году. На открытие – два концерта на плато – пришли все владельцы домов в

Марбее: Шон Коннери с женой, вдова Артура Рубинштейна, Гунилла фон Бисмарк, принцесса Ирана Сорая... На другой день мы пришли на официальную встречу с господином Аранго, в дом друзей Луиса, чтобы "добить" идею контракта. Эта комичная история стала мне уроком на всю жизнь. Я поняла, что в любой ситуации надо оставаться естественным – это самый главный показатель элегантности. Главное – соответствовать ситуации. В Марбее стояла жара – сорок градусов в тени. Я надела легкомысленные платья на бретельках, и мой муж пришел в ужас: "Ты сошла с ума, ты что, пойдешь в таком декольте? Ты понимаешь, кто эти люди? Она – сестра короля! Немедленно надень чулки и что-то попрямнее". Сам он надел по такому случаю галстук. Первое, что я увидела в доме друзей Луиса – его самого, сидящего в тени в льняной рубашке и шортах, а потом, выйдя к бассейну, обнаружил там лежащих дам, среди которых была сестра короля донья Пилар, в купальнике с толстым слоем крема на лице, мокрыми волосами, затынутыми в узел. При виде нас они радостно начали звать меня купаться с ними. Я поняла, как нелепо выгляжу, и начала злобо-



Четверка звезд – Виктор Третьяков, Гидон Кремер, Владимир Спиваков, Юрий Башмет. Фото из семейного архива